

Приклад стенограми фокус-групи

Модератор (Аня): «Конвиктус Украина». Некоторые знают, а некоторые не знают. Работаем мы с 2006 года в Украине. Это, вообще, шведская организация, в Швеции была открыта сначала. Объединились люди, которых коснулась эпидемия ВИЧ/СПИДа, наркозависимости. Они объединились, чтобы защищать свои права, чтобы получать разные услуги. Это 1986 год еще был, давно, тогда не развито было, даже в Европе ВИЧа не было. Они объединились, и вот сейчас эта организация до сих пор работает, они помогают разным группам, и не только уже наркозависимым. Сначала они на наркозависимых, на осужденных концентрировались. Сейчас – и бездомным, и там тоже такие центры, как у нас: и питание, и всё.

Потом открыли в Эстонии такую организацию в 2002 (она больше по тюрьмам работала), а потом в 2006 открыли у нас, и вот мы работаем с 2006 года. Мы сначала работали с условно осужденными, которые на отметке в КВИ по статьям, связанным с распространением наркотиков (ст.ст. 37-39). А потом мы начали работать в рамках снижения вреда. Вот программа, вы ходите, получаете шприцы, проходите тест на ВИЧ. Это снижение вреда. Смысл этой программы в том, чтобы люди, которые употребляли наркотики, не навредили себе. То есть у нас нет цели отговаривать или переубеждать вас. Это ваш выбор, ваша ответственность, ваша жизнь. Вы вправе сами выбирать, как вам жить.

Антон: Ну да. Все взрослые люди.

Модератор (Аня): Все взрослые люди, да. На что мы нацелены? Чтобы вы минимум себе навредили. Потому что в употреблении можно немного не видеть каких-то опасных вещей, рисков, грязный наркотик вгонять. Вы попадаете во всякие ситуации, вы знаете, что кто-то инфицирован, после него употребить, а может, я уже тоже давно, я же не тестируюсь. Да ладно, так хочется уколиться. И мы вот работаем, мы консультируем, и наша работа направлена на то, чтобы вы задумывались об этих рисках, чтобы вы не

Приклад стенограми фокус-групи

попадали в такие ситуации. Или когда вы попадаете в них, чтобы вы могли принять правильное решение, чтобы сохранить здоровье. Так как если вы будете здоровы, то автоматом будет здорова ваша семья. А если будет здорова ваша семья, то будет и в целом общество здоровое. Это такая программа, направленная на здоровье.

Сейчас, в последние годы, что происходит в Украине? Эпидемия ВИЧ сильно выросла. А пути передачи – это (кто знает, кто не знает) через грязные иголки может быть, через зараженный наркотик, то есть инъекционный путь передачи есть такой. Есть, например, половой путь передачи. *(Участник выходит.)* Мы подождали. Просьба не отвлекаться, потому что задерживается вся группа.

Сейчас, в последние годы, мы активно людям объясняем, мы даем такую возможность протестироваться на ВИЧ, потому что в стране эпидемия. И вот она не только через инъекционный и половой путь передается, а, например, от матери к ребенку тоже может передаваться, через кормление. Но в основном все равно эпидемия сконцентрирована в группах риска. Вот вы – так называемая группа риска. Потому что вы употребляете инъекционные наркотики, и каждый раз у вас это какой-то риск инфицироваться чем-то. Даже если не ВИЧ, то разными другими бактериальными инфекциями. Потому что если нестерильный инструментарий...

Антон: Гепатит С.

Модератор (Аня): Гепатит С, да. Гепатиты. И та же группа риска по туберкулезу. Потому что иммунитет может быть ослаблен из-за употребления наркотиков, и человек очень восприимчив уже к другим всяким инфекциям. [00:05:00] А если есть ВИЧ, то тем более, если слабый иммунитет. У 90% населения, можно сказать, есть туберкулез, но он не активен. Он закапсулирован в такой микрофаг, в легких находится. Если падение иммунитета какое-то, он начинает работать. Даже не надо вдыхать

Приклад стенограми фокус-групи

палочку или находиться с ТБ-больным. То есть это группа риска. Но наша задача какая? Максимум вам помогать, рассказывать, давать услуги, чтобы вы не болели. А если вы заболели, то чтобы вы получали лечение. Сейчас мы сейчас мы тестируем на ВИЧ, и много новых случаев ВИЧ-инфекции. Много новых случаев и много старых случаев, когда люди знали, но не принимали лечение.

У нас есть программы, такие как кейс-менеджмент (это социальное сопровождение). Кейс (case) – это случай, то есть сопровождение случая. В этих программах социальный работник помогает человеку, у которого ВИЧ-инфекция полностью получить медицинское всё обеспечение. То есть стать на диспансерный учет, начать принимать терапию, пройти все анализы и обследование. То есть это такой проводник. И вот в рамках этой программы мы решили исследовать, насколько же она эффективна, вообще. Насколько она эффективна, насколько она работает, действительно ли это отвечает потребностям группы (ну, вот вас, например). Действительно ли вас всё устраивает, что вы об этом думаете, работает оно/не работает. Может, вы хотите это по-другому. Может, вам что-то навязывают. В общем, нам надо знать, чтобы это было для людей. То есть не просто, типа, программа, а чтобы она реально была для людей. Это в Европе так всё делают – для людей.

Это внутреннее исследование организации, то есть это не кто-то там – мы сами исследуем. И первый этап нашего исследования – это было когда два наших исследователя вместе с социальными работниками и клиентами кейс-менеджмента ходили три дня. А исследователи – наблюдатели. Есть такой метод исследования – наблюдение. Они наблюдали и записывали то, что им казалось интересным или нетипичным.

И что они наисследовали в первом этапе эти исследователи? Что когда клиент приходит с социальным работником в медучреждение, то клиент сам

Приклад стенограми фокус-групи

не взаимодействует с врачом (чаще всего). То есть за него говорит социальный работник: занимает за него очередь, за него бумажечку подкладывает, то есть, в общем, всё делает за него. Это один момент.

Второй момент – что врачи нормально относятся к клиентам, в принципе, к потребителям инъекционных наркотиков: не дискриминируют, не стигматизируют, в отличие от обычных поликлиник. Да? Если прийти в обычную «первичку», там сразу: «Ой, тебе только поп поможет». Мы такие случаи слышали и с клиентами разбирали. То есть врачи нормально относятся, в принципе. Это то, что мы видим. Но то, что социальный работник делает всё за клиента, не давая ему возможность получить опыт. То есть, например, если я за кого-то подкладываю бумажечки и занимаю очередь, то потом человек, который со мной, когда я уйду, он сам не будет ориентироваться.

И вот мы увидели вот такой стремный момент, что, возможно, этот социальный работник так хочет помочь, что при этом вредит даже. Ну, грубо говоря. Потому что он не дает возможности человеку пройти этот путь, то есть как зайти к врачу. А потом социальное сопровождение заканчивается. То есть социальный работник помогает клиенту стать на АРТ-терапию, еще месяц сопровождают и закрывают кейс. В общем, вот так оно происходит, такая программа – кейс закрывается, всё. И уже клиент сам ориентируется, клиент сам должен пойти забрать терапию. Доходит до того, что социальные работники забирают за клиентов терапию и возят им. То есть клиент даже не знает, где там ее и как забрать и где ее получить. И клиент прекращает пить терапию. Потому что ему надо идти в больницу, там какое-то получать где-то направление.

Антон: Ему насрать на это.

Модератор (Аня): Может, и насрать тоже. И мы увидели вот такие два момента: это врачи нормально относятся, и второе – что социальные

работники не дают возможности клиентам приобрести свой личный опыт. И хотели у вас поинтересоваться, что вы об этом всем думаете. Давайте для начала представимся, и вы будете рассказывать.

Антон: У меня знакомый, он получает терапию. Поначалу, как вы говорите, работник ему помогала. А сейчас он сам ходит, свободно получает без работника.

Модератор (Аня): То есть успешный такой случай.

Антон: Нормально, да.

Модератор (Аня): Давайте представимся.

Антон: Антон.

Модератор (Аня): Антон – клиент вы наш. Правильно?

Антон: Да.

Модератор (Аня): Приятно.

Игорь: Игорь.

Владислав: Владислав.

Роман: Роман.

Модератор (Аня): Аня. Работаю в «Конвиктусе».

Женя (исследователь): Я – Женя. В этом исследовании тоже работаю.

Катя: Катя.

Ирена: Ирена. [00:10:00]

Модератор (Аня): Приятно. Давайте теперь в формате такой живой дискуссии пообсуждаем это всё дело.

Женя: Что вы думаете об этом.

Модератор (Аня): Да. Что вы по этому поводу думаете, вообще.

Антон: Я думаю, что человек, сначала он бы смотрел, как этот работник за него это всё делает и набирался опыта. А потом мало ли что с этим человеком может случиться.

Ирена: Это зависит от человека, мне кажется, все-таки.

Антон: Да. Насрать ему или нет.

Ирена: Да. На свое здоровье.

Антон: Если мне не насрать, если я больной и если я не буду хавать эту терапию, то мне кранты. Правильно? Клетки будут падать у меня, и потом с ВИЧ я перейду в СПИД, а со СПИДом я проживу пару лет.

Модератор (Аня): Ну, это когда есть осознанное решение, мое. Да? Что я принимаю терапию, это мне надо. А могут быть такие случаи, когда это вроде как соцработнику больше надо? Ну, вот он так хочет помочь. Ну, человеку самому так не очень на себя. Да? Не очень заботится.

Антон: Всё зависит от человека, конечно же: какой у него характер, как он к себе относится.

Ирена: Да. Мне тоже так кажется. Хотя. По большому счету, тоже, наркоманы такие люди, что когда они уже в глубокой системе, то есть они, может, где-то и понимают умом, но...

Антон: А физически уже не может прийти.

Ирена: Да.

Антон: Может быть такое. Я даже знаю, мне рассказывали, что матеря ходят, получают за них: за сыновей или за дочерей. Потому что те не могут встать с кровати, их кумарит, еще что-то там. Вот такие были случаи.

Ирена: Да. Пока не снимется, не пойдет никуда.

Модератор (Аня): А как вы к этому относитесь, когда мать получает за кого-то?

Ирена: Ну, разные ситуации тоже бывают. Бывает такое, что, вот у меня знакомый, он действительно, не то, что он, там, именно бандерлог, а у него действительно такая ситуация, что у него проблемы с ногами. И вот ему помогал соцработник. То есть это нормально, я считаю. Но это, мне кажется, крайние варианты, какие должны быть.

Антон: Ну да. Если такая, конечно, ситуация, человек по здоровью не может, то как ему? Только через родителей или через соцработника.

Ирена: И это очень хорошо, что есть такие люди, которые могут помочь. А так, если он, допустим, здоровый и при памяти, то пускай поднимает свою задницу и идет.

Антон: Да. Идет и забирает. Потому что если он не хочет, то кто за него это сделает? Постоянно будет этот соцработник? А если он где-то на море захочет поехать отдохнуть со своей семьей, и у него не будет времени на этого человека, что ему: разорваться или что? Я считаю, что человек, который вполне, ну, более-менее нормальный, может сам прийти, то хай идет, получает, чтоб не умер от этого. Если ему не пофиг.

Ирена: У каждого свой выбор. Каждый выбирает сам себе свое. Если он адекватный и нормально ходит. Хотя, с другой стороны, опять-таки, если соцработник это делает, а этого человека нужно поднимать как-то долго, и вот за него делает это соцработник, то тем бы обезопасиваем себя больше. Вот уже один сидит на терапии, он уже знает, допустим, что он ВИЧ-инфицирован, потому что его работник притянул. То есть они уже сделали какие-то первые шаги. То есть уже как минимум семья его знает.

Модератор (Аня): И как-то может помочь. Да?

Ирена: Да.

Модератор (Аня): То есть все-таки как сказать? Вот этот механизм «притянул» тоже нормально? Когда соцработник притянул, а не сам клиент.

Антон: Ну да.

Ирена: Да.

Антон: Если не может ходить.

Женя (исследователь): Ребята, а вы что думаете?

Владислав: Я не знаю. Я вот что знаю.

Модератор (Аня): Нет, ну, вы расскажите, что вы думаете.

Приклад стенограми фокус-групи

Владислав: Мне Петя всё объяснил. То же самое – всё классно.

Модератор (Аня): Нет, ну, Петя объяснил – это одно дело.

Ирена: Это опять из той же серии: соцработник всё разбирал.

Модератор (Аня): Да, соцработник объяснял. Вот ваше мнение интересно, как вам, что вы думаете по этому поводу. Это как возможность поделиться.

Владислав: Если человеку по барабану на себя, то его никто не заставит. По-любому. Если ему похуй его здоровье.

Ирена: Но его может человек убедить. Почему? Может убедить общением.

Владислав: Ну, это такое. Он может послушать, потом – всё.

Ирена: Почему? Дальше он помог ему стать на терапию.

Владислав: Он сейчас может просто стоять, слушать, слушать, слушать. А дальше что потом? На второй день забывает.

Ирена: Ну, не знаю.

Владислав: Поехал набузовался где-то и всё.

Модератор (Аня): Больше это зависит от самого человека.

Владислав: Конечно. Да, по-любому.

Модератор (Аня): Что бы там соцработник ни делал. Да?

Владислав: Нет, соцработник – тоже нормальное дело. Петька, вообще, он мне тоже, то есть он мне просто звонил постоянно: поедь, поедь. Я сам мог бы это сделать.

Ирена: Так вот я о чем и говорю, да.

Владислав: Он мне постоянно тарабанил, тарабанил. Я просто могу навалиться и забыть за это. Просто он мне постоянно звонит. Вот как-то так. А так, только от человека это зависит.

Модератор (Аня): Помогло. Да?

Владислав: Конечно, помогло. Если бы не он, а б даже на терапию не стал бы.

Ирена: Да. Соцработник большую роль играет в этом. По-любому.

Владислав: Даже то, что мы с женой – он каждое утро: «Поедь заberi терапию» или «Рыпей терапию». Он даже ночью звонит (в 12 ночи): «Терапию выпил»? Я просто могу забыть, уколоться. [00:1:00]

Модератор (Аня): Помогает. Да?

Владислав: Конечно, помогает. Потому что я могу втыкнуть и забыть. И всё. Петька звонит постоянно: и утром, и вечером. Соцработники надо по-любому.

Роман: Да, по-любому.

Владислав: Это высший пилотаж.

Роман: Конечно. Соцработники, конечно, надо. Без них человек не будет знать, куда и что.

Владислав: Он меня тогда тянул, тянул. У меня сколько там? Было 200 с чем-то клеток. Но сейчас уже больше чуть стало. А я на терапию не стал. Хотя я знал, куда ехать и как там получают всё. Он мне постоянно позвонил, заехал на машине, всё поехали. Ну, нормально. И я сам начал ездить.

Модератор (Аня): То есть показал, дал толчок.

Владислав: Да. Так и мне легче стало даже. Я чувствую, даже энергия какая-то появилась от терапии. Потому что метадон каждый день, плюс еще и водка, коньяк. Ну, это обычное дело.

Роман: Многоборствие. Да?

Модератор (Аня): А вы что думаете?

Игорь: Я думаю, все равно нужно делать: хочет/не хочет человек. Пусть даже из 10 раз если хоть один раз соцработник попадет к наriку какому-то – уже хорошо. На две недели больше проживет.

Роман: Они надо по-любому.

Ирена: Да, да.

Игорь: Это на второй план всё отходит, даже на третий. Первое что? Встаешь утром – кумарит. Найти деньги, второе – вмазаться.

Ирена: Первое, что на уме.

Игорь: Да, это самое первое. А потом уже там какие-то бытовые проблемы. Уже на третьем месте какие-то таблетки, я же там чем-то болею.

Ирена: Я ж там, да, где-то заболел.

Игорь: А так, пусть ходит по пятам, пороги обивает.

Владислав: Нет. Ну, он может не пойти, а послать кого-то, если уже так ему надо.

Игорь: Ну, я думаю, да.

Владислав: А если там по времени?

Ирена: Просто так по крохам, по крохам – и общество меньше будет заражаться.

Роман: Нет, соцработник надо по-любому.

Владислав: Он как-то стимулирует.

Роман: Ну да, дети здоровее будут.

Катя: Конечно.

Ирена: 100%.

Модератор (Аня): А вы что думаете?

Антон: Надо, чтоб как в Голландии, легализовали наркотики (*смеются*). Просто я ни разу не был.

Роман: Он первый раз только пришел. У него еще всё впереди.

Модератор (Аня): А вот пофантазировать, вообще, нужен ли вам соцработник и его помощь, чтобы о вас кто-то заботился и помогал вам. Нет? Вы сами?

Владислав: Я его найду потом, если мне будет плохо. У меня сосед. Всё будет хорошо.

Приклад стенограми фокус-групи

Роман: Ну, это хорошо, что он в теме.

Модератор (Аня): Смотрите, вот такой есть у нас вопрос (тоже поразмышлять): забота о здоровье в целом. Это такой, конечно, вопрос. Если поразмышлять о здоровье, почему вы считаете (или не считаете) важным заботиться о своем здоровье, иметь доступ к медицинским услугам? Почему это важно? Или почему это, может, для кого-то не важно.

Антон: Ну, вот смотрите, например, я инвалид второй группы. Да? Мне положена 50% скидка в обычной поликлинике. Я туда прихожу, говорю: «Дайте мне рецепт», она мне говорит: «Рецепта нет». Постоянно.

Катя: Только хотела сказать. С языка снял у меня. Не хочется идти в эту поликлинику.

Антон: За три года коза не дала мне ни одного рецепта, хотя по закону мне положено.

Катя: Обязана.

Антон: И я из-за этого не могу. Потому что таблетки, я получаю пенсию 1300 гривен в месяц. Это вообще фонарь, блин. У меня маленький ребенок. Ну, куда мне? У меня парализована почти правая сторона. Хочется порой, знаете?

Катя: Да.

Антон: А чтоб добиться, это надо столько здоровья, надо обходить вот эти все кабинеты, прозванивать. Но все равно стараешься, я не знаю, поддерживать ту же печень, не знаю, расторопшей, травой, пьешь.

Владислав: Карсил какой-то.

Антон: Да, и карсилом каким-то. А так, спортом заниматься стараюсь, даже гантели, какие-то делаю движения. А вообще, когда я лежал в больнице, мне сказали: «Ты на коляске будешь ездить и всё. Ты ходить не будешь больше никогда». За меня люди молились Богу. Я встал и начал ходить.

Приклад стенограми фокус-групи

Владислав: Да, Боженька помогает, кстати.

Антон: Занимался в больнице. Мне привязывали даже [нрзб, 00:19:42] к кровати – я вот так руками начинал заниматься. Два месяца лежал, четыре месяца не ходил. Потом начал ходить потихоньку в больнице, когда закроешься уже на реабилитации. Сначала на БСП лежал, а потом на реабилитации. И там начинал потихоньку ходить. [00:20:00] И сейчас уже 3,5 года. Видите? И все равно состояние такое, как будто под током. Понимаете? Вот трогаю – нет чувствительности. Чувствительности нет вот такой. Вот это джинс, допустим, а я не могу понять, что это за материал. Государство, конечно...

Катя: У меня смещение тазобедренного сустава. Я родила малую. Меня неправильно положили, короче – у меня сустав заскочил и стирается. Я 11 лет, из-за того что я не могу, меня раздражает эта поликлиника, я не делаю себе инвалидность. Получается, что я как представляю, что я зайду в эту поликлинику, сколько там надо проходить. У меня сразу: говорюнет, всё, я не буду, ну его нафиг эту штуку 300, чтобы я себе там маты гнала, нервы трепала.

Антон: Я прошел эти все этапы, сделал. Дали сначала на год, потом – на два, потом третий раз я приехал, постоянно ВТЭК проходил на Подоле, там три нормальных дядьки такие. Они просто посмотрели на меня и снимок. Они посмотрели – ничего не меняется, и говорят: «На тебе, сынок, пожизненную группу и всё».

Катя: Если бы хотя бы сразу давали пожизненную. Что у меня, сустав вырастет новый или что?

Ирена: Так же само человек без руки или без ноги, а ему через два года нужно опять идти – вроде. Наверное, у него выросла.

Антон: В других местах без ноги дают на два года.

Ирена: Да, я же говорю.

Катя: Бредятина такая, блин, вообще.

Антон: Да. Думают, что нога вырастет, действительно.

Катя: Да.

Модератор (Аня): То есть, в принципе, может, и заботились бы о здоровье, если бы проще доступ был.

Ирена: Конечно.

Владислав: Да. Если бы не были у нас такие офигенные поликлиники, эти очереди.

Антон: Эти очередь постоянные. Она там сидит кофе пьет, а ты сидишь ее час ждешь под кабинетом.

Катя: Вот мама была два дня назад моя в поликлинике. И бабушка там в очереди жаловалась: «Я хотела стать на стационар», и она говорит врачихе, а она говорит: «Вот, блядь, пациенты пошли». Говорю: «Я бы ей как сказала «блядь», если бы она мне вот так вот сказала бы». Ну, конечно, потом не хочется идти той бабушке в эту поликлинику.

Ирена: Даже бабушке. Да?

Катя: Ну. Что она уже: лучше уже хай мне внучек какой-то колет этот укол.

Антон: Лекарства стоят, конечно, по тысяче.

Катя: Уже не говоря сколько стоят препараты все.

Антон: Может быть, она и легче старается какие-то рецепты давали хоть на полцены. А так, какое лечение?

Модератор (Аня): А вы что думаете? Не стесняйтесь.

Владислав: Да никто не стесняется. Я не знаю, блин. Надо бросать наркотики.

Антон: Нет, ну, наркотики, да, нужно бросать однозначно.

Владислав: У меня приятель, у него мама врач, по 100 долларов каждый день давала. Потому они работают все с аптеками, там откаты эти. Им пофиг, на самом деле, чем ты болеешь. Лучше написать больше лекарств.

Катя: Да, они прописывают лекарства такие.

Владислав: Ну, денег там очень много – нардепы отдыхают (у врачей). Она 100 баксов каждый день давала.

Катя: Детский врач вот, я с ней общалась. Они работают с этой фирмой. Она мне говорит: «Купите судокрем» (ну, складочки мазать). И я пришла – 200 рублей. Да гори оно синим огнем. Я лучше картофельным крахмалом намажу. Нам мамы в детстве мазали, и нормальные выросли.

Роман: Так же само сейчас обратиться, не дай Бог, аппендицит. Тебе же сразу напишут принести бинтов, чтоб обмотать всю больницу. У нас такая коррупция.

Модератор (Аня): А вы обращались за медпомощью? Какой у вас опыт? Или вы вообще не обращались?

Роман: И вот недавно была ситуация: вызвали девочке врача – что-то болит. Врач даже не дотронулся. Пришел посмотрел так в глаза.

Владислав: И такой гомосек написал вот такие цены.

Роман: Да. И написал два листа.

Владислав: А если человек не может?

Роман: И пей начинай. И еще адрес аптеки укажет. Потому что ж не в каждой откат будет. Вот такое вот.

Антон: Нет, меня вот недавно удивило. Я недавно упал, короче, на забор, и, короче, надо было зашить, короче. Меня скорая забрала и бесплатно зашили. Я, конечно, удивился.

Роман: А сейчас они будут за всех хвататься, потому что хотят сделать 25 тысяч врачу ставку.

Антон: А. Привязали вот так руки, ноги, зашили, короче, всё, в палату.

Катя: Без обезбаливающего.

Антон: Нет, с обезбаливающим.

Катя: С обезбаливающим?

Антон: Да. Меня удивило. Просто сейчас такая, типа, реформа, они хотят сделать, что за человеком идет 100 долларов. Ты ложишься в больницу, в год на человека выделяется 100 долларов (2600). И с каждым годом...

Модератор (Аня): Это как-то, может, улучшит ситуацию.

Антон: Да.

Роман: Если у человека денег нет, за что ему лечиться?

Антон: Да. Если операция дороже, ты доплачиваешь свои деньги. 100 долларов насчитают, и плюс, ты доплачиваешь свои. Я слышал такие. Это Супрун или кто она там. [00:25:00]

Модератор (Аня): А вы говорите, вы не обращались за медпомощью никогда. Да?

Игорь: Со стороны наркотиков – нет. С травмами – да.

Модератор (Аня): А вообще, в целом. Вот забота о здоровье.

Игорь: Ну, смотрите, мне поломали челюсть в двух местах (*смеются*). Отвезли в больницу в центре где-то, в дом мебели. Говорю: «Уколи хоть обезбаливающее». Говорит: «Давай бабки». Потом мне утром привезли деньги. Он мне даже кетанова ампулу не уколол. Вот как?

Ирена: Это – да.

Владислав: Так а в натуре если нема денег, что делать?

Роман: Я понял, это вообще золотая жила. Все говорят: «Вы, наоборот, колитесь. Родокам расскажем всё, что надо. Это ж бабки сумасшедшие».

Ирена: Это врачи говорят? Да?

Роман: Конечно. Это же сумасшедшие бабки. Какая помощь? Помощь нахрен никому нужна. Помощь нужна мне конкретно, чтобы поехать в

Испанию, Грецию, Португалию. А вы катитесь все. А я маме твоей расскажу, что ему поможет, поможет. 36 дай мне тысяч.

Антон: Вот у меня 40 тысяч ушло, пока я лежал на БСП.

Роман: О, 40 тысяч. И ты дашь мне. У тебя нима 40-ка? 28 тогда, так уж и быть. Хочешь – скажу, где кредит дают. А мне это пофигу.

Антон: Собирали кенты, моей мамы две пенсии, батя когда погиб, сделали посметрно пенсию. Вот так вот собирали эти 40 тысяч. И так: опа – завтра выписываем. 200 рублей дал – хай еще денек полежит.

Модератор (Аня): А вот у вас есть какой-то опыт, когда вы сами о себе заботились, без врача следили за своим здоровьем?

Катя: Конечно. Постоянно.

Модератор (Аня): Расскажите.

Катя: Я уже забыла, когда последний раз была у врача. Сама заболела – сама вылечилась.

Ирена: Да элементарно это всё, когда грипп или ОРЗ то же самое.

Катя: Печенка болит – я сама себе знаю, что мне надо пойти купить: фестал, карсил, энтеросгель.

Модератор (Аня): То есть вы сами себе врачи.

Катя: Да.

Ирена: Да.

Владислав: Да. Метадоном навалился – и всё *(смеются)*.

Модератор (Аня): Сами себя лечите. Скажите, пожалуйста, у нас такой следующий блок – это опыт тестирования на ВИЧ, консультирование, взаимодействие с соцработниками (нашими/не нашими – не важно). И вот, может, кто тестировался на ВИЧ. И что вас привело к этому решению, интересно? Кто тестировался, почему решили пройти тест?

Роман: Ну как это? Ты же колешься. Ты же должен знать, что у тебя есть/нет его.

Ирена: Если узнаешь, что есть, то уже будешь что-то делать, выводы будешь делать.

Антон: И принимать что-то.

Модератор (Аня): То есть интересно знать, есть ли ВИЧ или нет в целом.

Ирена: Конечно.

Модератор (Аня): А вам не интересно?

Игорь: [нрзб, 00:27:53].

Модератор (Аня): То есть лучше не знать. Да?

Катя: Ну, это так, когда, допустим, сам по себе. У меня, допустим, семья, и муж не колется. Вообще, он противоположность меня. И дети у меня. То есть я не могу себе позволить: хочу – знаю, хочу – не знаю.

Роман: Точно так же и у меня, двое детей. Как не знать, например, если у меня есть.

Катя: И то же самое: детей и мужа как я могу подвергать опасности?

Модератор (Аня): А вы не хотите знать, потому что...

Катя: Очень стремно ему.

Роман: Не хочет он знать.

Владислав: Для себя надо по-любому знать. У тебя кто-то попросит даже уколиться – и всё. Или даже пообещать кого-то. И что дальше? Надо по-любому для себя знать. Даже хреново будет на душе. Ну а шо? Ничего страшного.

Антон: Да, до старости живут. Я видел.

Владислав: И детей рожают ВИЧ-инфицированные нормальных.

Модератор (Аня): Дети здоровые, да.

Антон: Здоровые. Если мама правильную терапию.

Владислав: Нормальные, хорошие дети.

Ирена: Да. У меня тоже девочка одна ВИЧ-инфицирована, причем и она, и муж. Я всё удивлялась: как вы не боитесь? Вот они решились на такое. А ребенок здоровый. Я думала, может, это по началу как-то будет. Нет, уже 7 лет пацану, слава Богу. И у одних, и у вторых такое.

Модератор (Аня): А у вас был опыт? Вы думали про тестирование? Может, проходили. То есть был опыт тестирования. И что вас привело к этому решению?

Владислав: Ничего. В [нрзб, 00:29:47] отмечался. Пришел – стоит. Пока жду, думаю: ну, проверюсь.

Модератор (Аня): Всё случилось по ходу. Да?

Владислав: Ну да.

Модератор (Аня): А так, не думали до того? Не осмысливали?

Владислав: Когда были подозрения, тоже пришел провериться.

[00:30:00]

Модератор (Аня): То есть все-таки есть такой интерес. Один участник у нас не хочет.

Ирена: Нет, ну, конечно, все взрослые люди, все понимают: если колемся, все это знают прекрасно. Никто не застрахован.

Роман: Даже если ты колешься новым шприцом, оно может быть и в ширеве.

Ирена: Конечно. Никто не застрахован. Поэтому все об этом думают. Я не верю ни одному человеку, который колется, чтобы он никогда не задумывался. По-любому.

Модератор (Аня): Расскажите, когда вы проходили тест последний раз, например, какое было консультирование. Ну, то есть вам понравилось, с вами хорошо разговаривали, вам всё ли объяснили в процессе этого тестирования. И было ли оно, вообще? Может, его не было (консультирования).

Ирена: Да, у меня было. Было здесь. И я довольна абсолютно осталась.

Антон: Нормально, да. Нормально.

Модератор (Аня): То есть всё понятно было: что такое ВИЧ, как его лечить?

Ирена: Да.

Антон: Конечно.

Ирена: Ну, во-первых, помимо этого, сейчас же информации-то очень много. То есть это уже не закрыто.

Катя: Маленькие дети знают.

Ирена: Конечно.

Модератор (Аня): То есть все информированы. Да?

Ирена: Да. И по телевизору, и в школах, я знаю, проводится, ходят ребята, и из церкви, я знаю, что ходят, и так социальные работники тоже от различных организаций. То есть этой информацией уже владеют даже дети.

Модератор (Аня): А вы когда проходили?

Владислав: В августе.

Модератор (Аня): Как вам процесс сам?

Владислав: Быстро, нормально.

Модератор (Аня): То есть быстро было всё. Да?

Владислав: Да. Потому что на Сабурова, 20, чтобы пройти, простоял очередь, наверное, часа три.

Антон: Да. Там очень много было людей.

Модератор (Аня): А, это, наверное, было исследование когда-то. Да?

Антон: Да. Года три назад или сколько.

Владислав: А потом под КВИ постоянно.

Модератор (Аня): И нормально всё? проконсультировали или так?

Владислав: Да. Нет, ну, на КВИ как-то это всё быстрее. На Сабурова, 20, там более подробно делают.

Модератор (Аня): Там врач, наверное, тестировал.

Владислав: Где?

Модератор (Аня): На Сабурова.

Владислав: Да.

Модератор (Аня): А тут соцработник, наверное. Да?

Владислав: Нет.

Модератор (Аня): Не соцработник? Тоже врач?

Владислав: По-моему, не медсестра (это точно). Один соцработник (но всё равно тоже в белом), вторая – врач.

Модератор (Аня): А вы когда тестировались, как вам услугу эту оказали?

Роман: Всё нормально. Главное – что я познакомился с человеком, и он меня поставил на терапию. И всё.

Модератор (Аня): То есть у вас этот процесс продлился к положительному результату.

Роман: Конечно. Да. Ну как? Мне нравится.

Модератор (Аня): А вы что думаете по этому всему поводу?

Игорь: Я ж по себе чувствую.

Владислав: А ты нормально чухаешь себя? Да?

Игорь: Аппетит есть (*смеется*).

Модератор (Аня): То есть пока тестироваться не надо. Да?

Владислав: Надо. Пусть лучше знают, чем не знают. Правильно?

Модератор (Аня): Просто смысл знать? Смысл знать – это раньше начать терапию. Раньше начать терапию – это не дать вирусу навредить организму. Он может сильно навредить. Надо его заморозить, остановить.

Владислав: Кстати, терапия нормально помогает. Вообще, классно.

Модератор (Аня): Люди на терапии живут, как обычные люди, не ВИЧ-позитивные, и умирают естественной смертью.

Антон: Только надо вовремя принимать лекарство.

Владислав: И не лениться, а подорвать свою попу.

Модератор (Аня): А вы вот с кем общаетесь, например, в поселках своих, вы людям рассказываете эту информацию? Вообще, как люди: информированы или нет?

Катя: У меня все. Как только я пришла, я пригласила сюда всех своих абсолютно. Все протестировались. Кто-то на терапию быстро встал.

Антон: Все знают, да.

Модератор (Аня): А встречаете таких людей, которые вообще не в теме, не знают ничего?

Антон: Сейчас нет таких.

Модератор (Аня): Все в теме про ВИЧ и про АРТ. Да? Что лечение есть, и его можно получить.

Участники: Да.

Модератор (Аня): А есть такое, что АРТ – это какое-то плохое, оно вредит организму (вот такие разговоры)?

Ирена: Нет.

Роман: ОРТ – это что такое?

Модератор (Аня): Терапия.

Роман: Метадоновая?

Модератор (Аня): Нет. От ВИЧ. То есть даже ничего такого не говорят негативного.

Антон: Нет, пару человек говорили: похудел, еще что-то.

Владислав: Говорят, что не сильно она особо помогает.

Модератор (Аня): А, типа, не сильно помогает, говорят. Да?

Владислав: Есть такие, да. Ну, может, так ходят. Пришел раз в год, может быть.

Катя: Один раз выпил – и нормально. Да?

Модератор (Аня): И должно помочь. Да? [00:35:00]

Владислав: Ну да.

Модератор (Аня): А вы что слышали? Или ничего не слышали? То есть вы эту тему не обсуждаете, наверное, со своими друзьями. А если вам кто-то рассказывает: «Я на терапии», такие вещи, вы отстраняетесь. Да?

Антон: А оно мимо ушей пролетает, пока это самого не коснется.

Модератор (Аня): Отстраняетесь. Да?

Игорь: Ну, на терапии, так на терапии.

Модератор (Аня): То есть меня это не касается.

Владислав: Мне, наоборот, соседи говорят: «Когда ты уже сдохнешь, вообще?» *(Смеются.)* Бухают каждый день годами, колются такими дозами – и ничего. Тот спортом занимался, бежал – умер.

Роман: Обычно такие люди, кстати, живут самое дольше.

Владислав: Колются, бухают. У него СПИД, клетки минус. Ну, я, может быть, преувеличиваю. Ну, вообще, короче, труп ходячий до сих пор живет.

Роман: Все-таки бегаёт.

Модератор (Аня): А скажите, кто тестировался, в целом фантазируем, я не хочу сейчас говорить, кто ВИЧ, кто не ВИЧ. Это такое, это личное тоже дело, как и употребление наркотиков, и всего. Кто хочет, может сказать. Например, прошли вы тест, положительный результат. Было ли предложено социальное сопровождение: что есть соцработник, он поможет? И было ли дано направление: пойти дообследоваться (в кабинет доверия или центр СПИДа)?

Владислав: Нет. Петька сразу всё предложил.

Модератор (Аня): То есть сразу берет в оборот. Да?

Антон: Обычно да, конечно. Потому что у меня печень была слаба.

Владислав: Даже мне сказали: если ты так любишь сильно метадон, она у меня спросила дозу, я говорю полграмма в день, допустим, они даже меня хотели на бесплатную поставить. Просто я туда не могу доехать ничем. А так, сразу мне всё предложили.

Модератор (Аня): Это помогает, когда предлагают?

Антон: Конечно.

Владислав: Ну, конечно. Она мне говорит: вот смотри, у тебя, допустим, печени пиздец от уличного метадона. Вот иди бесплатно хапай. И, плюс, не надо деньги тратить (800 рублей): пошел выпил, и так уже не будешь больше тратить. Каждое утро просыпаешься – надо ехать: бам, бам, бам. Едешь – тебе деньги по-любому же надо. А так. Женщина сказала: иди стань, намного будет меньше проблем. Все равно он не прет уже тебя. Ты его сколько ни бузуй – он уже не прет все равно. Или вообще надо его бросать.

Модератор (Аня): Ну да. Заместительная – это отдельная тема.

Владислав: Вообще, его надо просто бросать.

Модератор (Аня): Заместительная терапия, говорят, что она помогает приверженности. То есть когда человек на заместительной терапии, то он и АРТ-терапию вовремя принимает. Потому что когда на заместительной, то не надо бегать уже, что-то искать, скушал с утра и можешь вспомнить, когда тебе выпить.

Владислав: Конечно. Ну, тоже нормально помогает. Даже если у человека что-то болит, поехал выпил – ему уже легче. У него херня в голову не идет: пойти кого-то убить. Пошел выпил – и нормально.

Модератор (Аня): То есть можно сказать, что социальное сопровождение было предложено, и оно помогло.

Владислав: Да, конечно. Соцработники – это вообще высший пилотаж. Ну, как по мне.

Роман: Я слышал наоборот: ходят выпивают, потом еще ищут.

Модератор (Аня): По заместительной?

Катя: Ну, это уже тоже зависит от каждого.

Роман: Тем мало ее, тем много.

Модератор (Аня): Скажите, что бы вам помогло или, может быть, помогает (я вот слышала, вы говорили, что Петя вам помогает) пить вовремя терапию, быть приверженным. Ну, вы понимаете, смотрите, если назначают терапию, назначают пожизненно, и нужно пить в определенное время каждый день. Если есть пропуски, то она потом может не работать, и надо менять схему. Вот вы рассказывали, некоторые говорят: что-то пил, а она не работает. Ну, потому что, может, вот так и пил, на самом деле. Просто если ее неправильно пить, она работать не будет.

Роман: Неделю не пил или две.

Модератор (Аня): Что вам помогает правильно пить?

Владислав: Я не знаю, Петя мне, короче, звонил первый месяц, когда я ее начал употреблять, чтобы я по времени. А потом я уже сам пристрелялся. Потом он ко мне только в конце месяца звонит, чтобы я не забыл, поехал на больничку и взял себе.

Модератор (Аня): Новую пачку. Да?

Владислав: А так, я уже сам пью.

Антон: Ответственность перед самим собой.

Модератор (Аня): То есть вам помогает, что вы сами вот эту ответственность взяли. Да?

Антон: Ну, я думаю, да. Потому что если ты ее вовремя не выпьешь, тебе будет хуже.

Владислав: По большому счету, человек переживал, бегал за тобой. Нахуя? Он же что-то хотел. [00:40:00]

Катя: И знаешь, что всё то, что ты там пил сзади, это всё даром прошло, если ты сейчас не выпьешь. Зачем тогда? Лучше же выпить? Правильно?

Владислав: А вообще, надо метадон бросать и бросать колоться, верить в Боженьку. И всё будет хорошо.

Антон: Согласен, конечно, да.

Роман: Утром молимся, вечером колемся.

Владислав: Нет, серьезно, я думаю, что надо в Боженьку верить.

Модератор (Аня): Скажите, а вот врачи в центре СПИДа и в кабинете, ну, они немного другие, потому что это не из поликлиники врачи. И вот как вы с ними взаимодействуете? Без кейс-менеджера, например. То есть нет Пети, надо поехать, забрать.

Антон: Нормально.

Владислав: Вообще, классные. Ну, не знаю, они культурные, разговаривают красиво.

Антон: Я сдавал кровь – нормально.

Владислав: Нет никакого ни высокомерия. Нормально, вообще, во всех отношениях. Ну, что здесь такого? У нее тоже может быть.

Антон: Может и пошутить с тобой.

Модератор (Аня): А вот как-то врачи поспособствовали тому, что вы на АРТ? Вот соцработник поспособствовал, мы услышали это, что помог. А врач как-то?

Антон: Ну да. Он же напоминает: ты приди тогда то или тогда то.

Владислав: Да нет, ну, он говорит: ты же крякнешь через месяц. Если не будешь заниматься своим здоровьем, сдохнешь. Месяц-два.

Модератор (Аня): То есть врач тоже консультирует. Да?

Владислав: Да конечно. Я даже врачам своим благодарен. Уже бы где-то отъехал. Они мне тоже нормально помогают. И он тоже ж напоминает: клеточки падают, печени тоже хана, сердцу. Ну, по-любому задумывается ж.

Модератор (Аня): Ну, а вы вот когда это всё слушаете, у вас какое мнение складывается?

Владислав: Никакое.

Антон: Слушаем. Подумаем.

Модератор (Аня): По поводу лечения.

Владислав: Да нет, ну, по-любому откладывается в голове, Оно по-любому в голове у каждого человека это откладывается. Он по-любому задумывается 100%. Что, нет? По-любому.

Модератор (Аня): Ну да. Может просто вытеснить пока.

Владислав: А потом, когда коснется...

(Ребенок плачет) Еще долго?

Модератор (Аня): Нет, сейчас будем заканчивать. Нужна ли вам помощь, вообще, со снижением употребления наркотиков или прекращением?

Катя: Пока сам не захочешь.

Антон: Да. Это зависит от человека.

Катя: Пока сам ты не решишь для себя, ничего не будет.

Антон: Да. Даже если тебя привезут в ребцентр.

Катя: Ты будешь пить лекарства, тебя не будет кумарить, всё будет хорошо, ты только выйдешь и уколешься.

Антон: Я был в ребцентре три раза. Я убегал. Я только оставался там, когда я в розыске был.

Катя: Мне когда мама говорила: «Катя, давай тебя положим в больницу», я: «Мама, тебе что, хочется деньги лишние потратить? У тебя деньги есть или шо? Дай мне их лучше тогда».

Антон: Пока сам не захочешь, никто тебе не сделает.

Катя: Смысла нет. Когда ты сам для себя решил, то уже и без таблеток, и без ничего спрыгнешь.

Модератор (Аня): То есть, в принципе, тут помощь и не нужна чья-то со стороны.

Антон: Нет, они как бы хотят помочь. Но ты как бы «да, да, да», а сам на своей волне

Катя: А сам все равно. Это вот тут оно.

Антон: Да. Пока вот ты сам. Я же говорю, я уже в таких, извиняюсь за выражение, пиздорезах был, что... И все равно, я хоть не в системе, я не в торбе, но так, периодически покалываюсь.

Катя: Снять оскому, типа.

Антон: Да.

Модератор (Аня): А что вы думаете?

Игорь: Я сколько раз ни спрыгивал, проходит время (максимум – три месяца), раз вмазался в неделю, потом два раза, через месяц – опять.

Модератор (Аня): Нужна вам помощь?

Игорь: Один раз бросил – начал бухать жестко. Потому что я не могу быть трезвый просто долго. Или курил, или бухал. Два дня проходит – уже начинаю некомфортно себя чувствовать.

Катя: Это уже всё. Это образ жизни такой. Это надо меня круг общения, да, образ жизни менять. Вот тогда – да, начинаешь по-другому. [00:45:00] А так, если ты варишься в этом котле, блин, постоянно, постоянно ты видишь: тот идет наколотый, тот наколотый. Идешь по массиву: о привет. Почему бы мне не пойти не вмазаться?

Антон: Да.

Катя: Что мне мешает? Да? Деньги есть, время есть. Что мне мешает?

Антон: Не думаешь, что лучше деньги потратить на что-то полезное.

Катя: На ребенка, например.

Антон: Да. Всё равно где-то выкраиваешь какую-то часть и идешь колешься.

Катя: Да. Хоть что-то, но вмазать надо. Сам процесс.

Антон: Иглоomanия.

Катя: Да, игломания. Сам процесс.

Модератор (Аня): Вот именно игломания. Да?

Катя: Именно игломания.

Игорь: Это тоже присутствует, большой процент.

Катя: Да.

Модератор (Аня): Ну, а за помощью обращались когда-то?

Катя: И что помогает?

Антон: Обращались.

Модератор (Аня): И какой опыт у вас?

Антон: Ну, ребцентр.

Ирена: Я лечилась и в Италии, и в Польше, и в Москве. До задницы. Максимум – три месяца. А потом когда собралась сама, когда до меня уже дошло это, [нрзб, 00:46:10].

Антон: Что ты с собой делаешь? Посмотри на себя. В кого ты превратился? Ты же весил 105 килограм. Ты же не курил. Ты же занимался спортом.

Катя: С метадона можно спрыгнуть.

Ирена: Ну, это я не знаю, это так пишут.

Катя: Да ну я спрыгнула.

Ирена: Это смотря какая система была.

Катя: Я спрыгнула. Просто что метадон кумарить только начинает только на 10-й день.

Модератор (Аня): А вы не видели людей, которые спрыгнули с метадона?

Катя: Я спрыгнула с метадона.

Антон: И я видел.

Владислав: А сколько они употребляли этот метадон?

Антон: Я видел. Знаете как? Через Бога. Только через Бога.

Игорь: Сколько тебя кумарило?

Катя: Где-то месяца два с половиной. Я знаю, что по 60 дней не спят. Ну, на 10-й день меня только начало кумарить. Только начало кумарить.

Игорь: А меня кумарит уже на второй, наверное, день.

Катя: На 10-й. Ты до 10-го доживи.

Игорь: 10-й – нереально.

Катя: Я заснула только первый раз через три месяца на два часа своим сном. И когда проснулась через два часа, я сказала: «Боже мой, я заснула сама на два часа». Ну, всё. Потом потихоньку, потихоньку.

Модератор (Аня): А вот вы знаете про заместительную, мы обсуждали. Вот ваше видение: зачем она, вообще? Для того чтобы употреблять безопасно (ну, не инъекционно) или для чего-то еще? Заместительная терапия конкретно.

Владислав: Что у людей нет денег, наверное.

Роман: Не все же могут выйти и пойти найти.

Модератор (Аня): То есть для тех, у кого нет денег. это может быть. Да?

Владислав: Чтоб быть наркоманом – надо хотя бы штуку в день иметь. Это не так просто.

Игорь: Да вообще, меньше преступлений будет. Меньше девочек будут быть по голове.

Владислав: Ничего нет, шмоток. Но штука в день есть. Каждый день.

Ирена: Понятно. На раскумарку есть. На самое главное.

Владислав: Терапия эта надо по-любому.

Антон: И еще заметил: если пытаешь бросить (3 дня, 4 дня), то и нет даже этих денег. А вот...

Ирена: Находятся. Да?

Антон: Ни на сигареты, ни на еду, а именно вот на это: дозы, дозы.

Катя: И кто-нибудь позвонит обязательно: «Хочешь раскумариться?» – «Да». Скажи?

Владислав: А попробуй откажись *(смеются)*.

Антон: Они предлагают, уже когда говоришь, что спрыгнул.

Катя: Да. Так я ж говорю: когда вот именно решил спрыгнуть, сразу кто-то обязательно позвонит: «Не хочешь подколоться?»

Ирена: Или угостит.

Катя: Ну, я ж говорю: «Не хочешь подколоться?»

Антон: Да. А когда кумарит, никто не позвонит никогда.

Ирена: Закон подлости такой.

Модератор (Аня): Ну, вы знаете, что, став на заместительную терапию, можно озвучить врачу-наркологу лечащему, что я хочу выйти из употребления, и он будет постепенно снижать дозу.

Ирена: Да. Вот я хочу так сделать.

Модератор (Аня): И без кумара можно выйти. Без кумара.

Ирена: Вот я так и хочу.

Игорь: Так это никому не интересно. Потом по полгода раскумариться не могут.

Ирена: Ну, это смотря кто чего хочет.

Игорь: То же самое: 200 рублей взял – поехали [нрзб, 00:49:48].

Модератор (Аня): Ну, это платная на Радужной. Правильно?

Игорь: Ну, платная, да.

Модератор (Аня): А есть государственная бесплатная.

Игорь: Так она беспонтовая.

Модератор (Аня): Почему?

Игорь: Там замещения никакого нет. Что, пару [нрзб, 00:50:00] дадут мне? [00:50:00]

Антон: Нет. У меня знакомый рекомендует бублеморфин.

Игорь: В государственной?

Антон: Да.

Модератор (Аня): Бублеморфин и метадон.

Игорь: Там бабки все равно надо.

Антон: Нет, он ничего не платил.

Катя: Метадол и метадикт.

Модератор (Аня): Да. Метадол и метадикт. Это метадон тот же.

Катя: Это аналог.

Модератор (Аня): Это медицинский метадон.

Антон: Он ничего не платил, ему дали бесплатно. Они делают такой порошок и под язык тебе высыпают.

Модератор (Аня): Да, он чисто медицинский. Не уличный.

Антон: Главное – чтобы ты ничего не вынес.

Роман: Да. Ты при них всё пьешь.

Антон: Да, пьешь при них и всё.

Модератор (Аня): То есть, в принципе, есть вариант спрыгнуть без кумара.

Катя: Да.

Владислав: Лирикой колятся. Не знаю, что она снимает, честно говоря.

Катя: Ой, не знаю, я попробовала раз лирику эту – так у меня голова кругом вот так вот. Я сказала «нет».

Владислав: Еще хуже становится.

Модератор (Аня): Женя, есть у тебя что-то еще добавить?

Женя (исследователь): Нету.

Катя: Она уже всё услышала.

Модератор (Аня): Ребята, давайте тогда последний круг завершающий. Вы скажете просто, что вам приходит в голову: впечатления какие-то, мнения.

Женя (исследователь): Может, вы еще хотите чем-то поделиться.

Антон: Я хочу сказать, что вот это хорошо, когда собирается такая группа, хорошо, когда есть такие люди.

Катя: Выговориться, да.

Антон: Больше кто-то узнает, чтобы приводили новых людей.

Катя: Да, приводи к нам, надо приводить, согласна.

Антон: Чтобы люди узнавали о таких группах и чтобы какие-то выводы делали.

Модератор (Аня): Спасибо. Давайте каждый по очереди что-то скажет. Пожалуйста.

Катя: Я тоже присоединяюсь к тому, что эти группы, особенно для тех, кого приводишь в первый раз...

Игорь: Таких бронелобых.

Катя: Да. Чтобы они пошли проверились, протестировались – вообще класс. И то же самое опять: закрепить за ними «няньку» – и будет классно.

Модератор (Аня): То есть «няньку» надо закреплять, и надолго.

Катя: Да, по-любому.

Ирена: Поначалу – да.

Модератор (Аня): На какой период надо «нянька»?

Роман: Ну, хотя бы месяц, пока оно адаптируется к этому, что вот тебе надо пойти.

Катя: Если он узнает, что он ВИЧ-инфицированный действительно, чтобы даже поддержка какая-то была. Потому что не все могут рассказать даже близким своим.

Роман: Скрывают, да, об этом. А так, он уже выговорится, пообщается, выговорится этому соцработнику, тот ходит с ним вместе.

Модератор (Аня): То есть минимум месяц хотя бы. Да?

Катя: Да.

Модератор (Аня): А вообще, желаемо?

Роман: Это уже от человека зависит.

Катя: Да. Может, они подружатся, дальше сами будут общаться.

Модератор (Аня): То есть хочется такую поддержку иметь. Да? Типа Пети, например.

Антон: Ну да.

Владислав: Конечно. И позвонит постоянно, напомнит.

Катя: Да. Петька уматовый.

Владислав: Да и он вообще человек хороший.

Катя: Вообще, приятно, когда о тебе кто-то заботится. Правильно? Что ты кому-то хоть не безразличен. А так, что в основном? Ну, кто? Мама, папа. Что, сильно много друзей у нас, наркоманов, есть таких близких?

Антон: Уколешься – он тебя на лестнице оставит. Даже скорую не вызовет, собака вонючая.

Катя: Еще и тебя полностью, блин, почистит.

Ирена: Да. Сплошь и рядом.

Катя: Еще и почистит тебя полностью. А потом скажет: ой, я не знал.

Антон: Да. У меня было.

Катя: У меня тоже такое было.

Модератор (Аня): Впечатление скажите свои.

Игорь: Если бы так собираться чаще. Чтобы не колоться, мне кажется, надо, чтобы не было свободного времени. Если бросил, с химической зависимости прыгнул – всё. Постоянно чем-то занят, или кто-то чтобы подстегивал, чтобы не было вообще личного времени.

Антон: Ну, это надо круг общения менять.

Катя: Я же говорю: меняешь круг общения полностью, тогда – да.

Игорь: Прошло пару месяцев. Идешь – тело какое-то идет. И тебя уже подкидывать начинает. Тебя уже начинает колотить, потому что пошла эта

мысль, всё, завелась. Так еще пару раз увидел – через месяц ты уже хоть раз опять вводил себе. И всё. Я не знаю, сколько я раз в жизни прыгивал. Не только с метадона: с ширева, с героина, и все равно возвращался рано или поздно к этому. С 1999 года. Всё начиналось с ширева и трамадола (таблетки такие были).

Антон: Ну да, трамадол, конечно.

Владислав: В Боженку нужно верить.

Антон: Да, вот я хотел сказать, что я видел людей и знаю людей, которым помог. И мне он помог не раз.

Владислав: Надо просто в Боженку верить всем своей душой, всеми своими мозгами, и будет всё классно.

Антон: И мне он помог, не раз помогал.

Катя: И мне.

Антон: Молиться почаще тоже, хотя бы «Отче наш».

Модератор (Аня): Такое впечатление, что у вас две опоры есть: Бог и соцработники. Ну, вот в сложных критических. [00:55:00]

Катя: Это у каждого человека. В безвыходных ситуациях к кому сразу? «Господи!» – говоришь. Это не только у нас, наркоманов. Так все люди. Безвыходняк.

Модератор (Аня): А вы что скажете? Ну, это как добровольно. Не надо ничего искусственно. Всё настоящее должно быть. Это живой процесс.

Игорь: Что ты думаешь по этому поводу?

Модератор (Аня): Вообще, всё, что мы обсуждали, что тут происходило.

Игорь: Это нормально или не нормально?

Модератор (Аня): Понравилось/не понравилось?

Игорь: Вообще, надо такие беседы или не надо? Ну, ты гонишь, вообще?

Приклад стенограми фокус-групи

Роман: [нрзб, 00:55:48].

Модератор (Аня): Ребята, смотрите, мы вас сегодня собрали, мы дадим вам сейчас мотивацию, всё. И как фантазия, если вот просто эти группы без... ну, мы не можем постоянно обеспечивать, это мы в рамках исследования, у нас это запланировано.

Владислав: Самое главное – чтобы это было конфиденциально.

Женя (исследователь): Так и будет.

Модератор (Аня): Это по-любому конфиденциально. За это не переживайте. Потому что мы, например, вот мы группы проводим, нам надо основные мысли собрать. Не Петя сказал, Вася. Это не важно, кто что сказал. Основные ваши мысли, которые сошлись. Вот у вас такое мнение образовалось и такое. Как группы, как представителей.

Женя (исследователь): Или разошлись.

Модератор (Аня): Или разошлись. Или были какие-то идеи другие. Нам надо собрать основные, вычленить эти идеи. А кто что говорил – это ваше персональное значение. За это переживать ни в коем случае не надо. Если вот как вариант, например, такие группы проходят в «Конвиктусе». Ну, просто. Мы не обеспечиваем вам там мотивацию, а просто чай, кофе. И там тот же Петя проводит или другой соцработник. Вы бы ходили на них или не ходили бы?

Женя (исследователь): Ну, только честно.

Модератор (Аня): Да, честно.

Антон: Зависит от времени.

Ирена: Да, только по времени.

Катя: Я так пришла в плане прогулки просто.

Модератор (Аня): То есть сложно со временем, сложно запланировать вообще свое время.

Антон: Да. Договориться на какое-то определенное время.

Приклад стенограми фокус-групи

Катя: Например, каждый четверг или, там, раз в месяц в четверг такая вот группа. И уже человек будет знать, что если я хочу прийти, я себе уже планирую, например, что в четверг на три, а не так спонтанно.

Модератор (Аня): В принципе, есть такая потребность просто высказаться. Да?

Владислав: И, опять, это же надо быть не на кумаре.

Модератор (Аня): Не на кумаре.

Владислав: А если так прийти?

Модератор (Аня): Ну, раскумарку мы обеспечить не можем (*смеются*).
К радости или к сожалению.

Владислав: Подумайте над этим вопросом.

Игорь: У вас было бы каждый день круглосуточно вся Троещина.

Владислав: Не только Троещина.

Антон: Тот сказал тому, тот сказал тому – и поехало.

Модератор (Аня): Спасибо вам большое, ребята.

Женя (исследователь): Да, спасибо вам большое.

Антон: Вам спасибо.

Женя (исследователь): Сейчас не убегайте.